«Заря» отключила двигатель и стукнулась бортом о край дебаркадера серовато-зеленого цвета с решетчатой деревянной аркой и двумя помещениями по краям. Над аркой имелась надпись «Вяткино». На палубу дебаркадера стали выпрыгивать пассажиры, опасливо косясь в достаточно широкую щель между стенкой плавающей пристани и кораблем. Сомкнуться им не позволяли прикрепленные к боковине пристани старые шины. Плещущаяся обская вода, даже на вид холодная, протискивалась по железному ущелью, грозя при возможности унести чью-нибудь оброненную сумку или баул.

Наши рюкзаки в эту щель не пролезли бы. Да и держали мы их крепко. Спустившись по раскачивающейся сходне с набитыми поперечными плашками, чтобы пассажиру не поскользнуться ненароком, мы огляделись. Еще яркое сентябрьское солнце освещало лог с протекающей речушкой, как водится, с северной стороны заросший кустарником и буйной сорной травой. Лог рассекал полого поднимающуюся от пристани террасу

Приобского плато, слева заросшую ровными рядами тополей с подлеском. Справа виднелись заборы села Вяткино. С этой стороны вверх в село поднималась утоптанная и укатанная сотнями ног и колес грунтовая дорога. Картинка обычная для десятков сел левобережья Оби в ее верхнем течении, оседлавших удобные устья больших и малых логов, выходящих в речную долину. За рекой, тяжело блестящей ртутным цветом осенней воды, зеленела согра поймы с холмами крон более высоких ив и тополей, жмущихся на невысоких песчаных дюнах. Как обычно, после многочасового гудения моторов в замкнутом пространстве салона корабля навалилась особая «деревенская» тишина, нарушаемая глухими разговорами и топотом ног пассажиров, цвирканьем шныряющих по кустам пичуг, стуком, лаем собак, шуршанием и еще десятками органичных и естественных звуков живущей деревни. Нам вперед и вверх. Навьючив рюкзаки, мы молча двинулись по направлению моего «повелительного» взмаха руки.

— Артур Леонидович, а куда мы идем?

— К сельсовету Вяткина, командировку и открытый лист отметить надо.

— Ясненько.

Мы бодро зашагали вверх. Тяжесть рюкзаков привычна, ходим много и зачастую совершенно не в таких комфортных условиях, какие представляет усыпанная щебнем и пахнущая полынью вяткинская грунтовка.

Исполком оказался недалеко, все формальности решились быстро, только вот цель нашей поездки находилась дальше по берегу, точнее вниз по реке. Именно там располагался «выселок» ставший со временем отдельной частью Вяткина с загадочным и немного пугающим названием «Дзержинск». И расположен этот выселок в устье речки Иштовки, впадающей в Обь в паре километров далее.

Узнав дорогу, мы прошли село и стали подниматься по грунтовому серпантину из низин лога, где и располагалось Вяткино, на поверхность террасы. Дорога то и дело двоилась, путники объезжали накатанные ямы и лужи, образовавшиеся из-за начинающейся осенней непогоды. Мы петли дороги срезали, бредя по подсыхающей осенней типчаковой степи с белыми перышками веющих

над травой метелок ковыля и кустиками серо-зеленой пахучей полыни. В один из таких срезов нас обогнала телега с одиноким возницей. Не успели мы подосадовать на то, что упустили попутку, так как лошадь, даже такая унылая, как эта, ползет по дороге быстрее, чем мы бодро двигаемся напрямик, как телега остановилась. Возница явно нас поджидал. Мужичок средних лет в полном комплекте повседневной сельской одежды и с традиционной кепкой на голове с любопытством разглядывал приближающихся путешественников. Я подумал, что ему огонька нужно, чтобы закурить. Мой напарник Шура, как выяснилось позже, подумал то же самое. Мы были неправы, он просто хотел нас подвезти.

— Садитесь.

Мы взгромоздились на телегу под явно неодобрительный взгляд пожилой каурой очень унылой кобылы. Некоторое время мы ехали на этом древнем тряском средстве передвижения молча. Наконец мужик осведомился:

— Куда едем-то? — Я завис. Как-то неожиданно вышло — сначала взять попутчиков, а потом выяснять, куда они едут.

— В Дзержинск.

— К кому-то?

— Да нет, пока ни к кому. Мы будем на карьере кирпичного завода древние могилы копать.

— А! Знаю, знаю. Там кирпичники ругаются, так как кости в глиняном замесе постоянно струну рвут.

— Какую струну?

— Ну у них там технология такая. Идет глиняная лента по транспортеру. А через определенный промежуток ее разрезает на кирпичи проволочная стальная струна. А когда в замесе кость оказывается — струна рвется. Пока ее меняют, все у них встает — и сушка, и обжиг.

Еще немного помолчали, подпрыгивая на ухабах и размышляя о печальной судьбе несчастных кирпичников с вечно рвущейся струной.

— Значит, могилы будете раскапывать. Археологи?

— Ага. Из Алтайского университета.

— А где останавливаетесь?

— Да нигде пока. Там решим.

— Ну тогда ко мне поедем.

Я опять завис. Со мной такое второй раз приключилось. Года два назад мы с напарником тащились по разъезженной в хлам дороге из села Сузоп в село Новотроицк Солтонского района. Остановившись передохнуть и очистить сапоги от налипшей красноватой грязи, мы увидели ковылявший по дороге «Беларусь». Трактор остановился и водитель стал подзывать нас красноречивыми жестами и сказал:

— Садитесь.

— Куда?

— Один рядом со мной, один на приборную доску, а рюкзак в захват положим сзади.

Быстро, как будто ему каждый день попадались рюкзачные ходоки, мужик нас устроил в тракторе и двинул в Новотроицк. А далее как по сценарию:

— Куда шли-то?

— В Новотроицк, стоянки древнего человека искать будем.

— К кому?

— Да ни к кому пока.

— Ну, тогда ко мне поедем.

Под мои размышления мы подкатили к спуску в следующий лог — долину реки Иштовки. С нашей стороны южной край Дзержинска маркировали изгороди, скрывающие за собой сады и огороды. С другой стороны лога виднелся кирпичный завод с длинными навесами, карьер и опять же заборы. Сам поселок прятался в логу. Спустя полчаса петляний по прихотливо изогнутым улочкам, мы подъехали к усадьбе нашего благодетеля, оказавшегося Иванычем. В обширном ухоженном дворе хозяин скинул с телеги доски и трубы и позвал нас за собой. Лошадь дальнейшие действия совершенно не волновали. По-моему, она тут же заснула.

Навстречу нам с сумками и мешком вышел молодой мужчина, готовый к поездке на мотоцикле, судя по шлему на голове. Мотоцикл — «Урал» с коляской — стоял тут же. Увидев мужчину, Шура изменился в лице.

— Что с тобой?

— Это мой мастак!

— Кто?

— Мастер с училища.

Надо сказать, что Александр, мой напарник на эту поездку, вовсе не археолог и даже не студент. У нас в экспедициях много ребят, которые не планируют не только стать археологами, но и вообще получать высшее образование. Им просто нравится работать в поле, копать археологические памятники, путешествовать. Александр учился в ПТУ на сварщика и уже несколько лет ездил в экспедиции. Много лет спустя, пройдя все горячие точки СССР конца 80-х годов в спецназе, он приехал домой и, оставив своих родственников праздновать его возвращение, уехал в экспедицию на Катунь. Прямо в форме и с рюкзаком десантника за плечами. И он не один такой был.

Так вот, сын нашего Иваныча оказался мастером-наставником ПТУ, в котором Шура учился. Нет, он не сбежал с занятий, я его вполне официально отпросил у руководства училища, и его отпустили. Удивительно было совпадение, еще раз подтверждающее наблюдение, что «Земля квадратная, и за углом всегда встретишь кого-то знакомого». Все следующие годы обучения Шура неизменно пользовался дружеским отношением своего наставника.

Вот мы разместились, определились с местом жительства, пообедали и с выданными запасами еды (молоко, хлеб, сало, помидоры) отправились знакомиться с фронтом работ. Не просто так посмотреть пошли, все необходимые инструменты были с нами — лопаты, кисти, ножи, совки, мерный инструмент и т. п. Перешли по шаткому мостику речку Иштовку, поднялись по склону лога, уже левого, к карьеру и кирпичному заводу. Мы познакомились с бригадой «кирпичников» — армян, которые занимались этим производством. Выслушали жалобы с размахиванием рук и динамичными выкриками с характерным акцентом и очень-очень большим пожеланием поскорей выкопать эти скелеты и убрать их с глаз долой.

Заодно познакомились с производственным процессом, весьма и весьма интересным. Если замес, формовка и сушка осуществлялись стандартно, то обжиг для меня показался необычным. Назывался он «болгарский способ». Высушенные кирпичи мастера-«кирпичники» укладывали замысловатым образом с большим количеством пересекающихся пустот. По мере сложения

своеобразной стены длиной метров пятьдесят и шириной около двух в пустоты засыпался дробленый каменный уголь. После завершения укладки ее обмазывали глиной, за исключением нижних поддувал для тяги воздуха. И поджигали. Конструкция горела несколько дней, при этом снаружи совершенно не нагревалась. Мы обошли несколько горящих укладок. Потрогали их, подивились. Заодно показал Шуре, как ребром ладони расколоть кирпич, сам того не ведая, изменив всю его жизнь в сторону увлечения боевыми искусствами.

Карьер располагался на перегибе склона долины Иштовки и полого поднимающегося к северу Приобского плато. До самого горизонта были видны скошенные поля. С востока открывался вид на долину Оби, теряющуюся в синеватой дымке. Обь в этом месте после прохода мимо Вяткина вновь отходила от края плато и терялась в обширных поймах. Именно этот мыс, образованный левым бортом лога с рекой Иштовкой и левым же бортом долины Оби, и был облюбован древними кочевниками для своего могильника. Подобные мысы с некрополями всех эпох широко известны археологам на отрезках Приобского плато от устья Чарыша до Барнаула и Камня-на-Оби.

Карьер, кроме ямы для добычи глины, располагал участком, на котором был снят почвенный слой, но добыча пока не велась. Конечно, это была не глина, а желтовато-серый лессовидный суглинок. Глину просто так легким экскаватором не возьмешь, да и кирпичи из нее сделать тоже затруднительно. В двух местах виднелись раскопы наших предшественников, раскопавших несколько могил по заданию ВООПИК (Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры), внявших просьбам местных армянских «кирпичников» разобраться с этими могилами и костями. Мы сняли поклажу, лишнюю одежду, навязанную нам добрыми хозяевами (им показалось, что обязательно пойдет дождь), и начали работать.

***

Первая находка была сделана не сразу. Много времени ушло на составление плана участка со срезанной почвой, привязки этого участка к заметным долговременным ориентирам и прочие

стандартные формальности, сопровождающие археологические исследования. Нужно было подготовить материалы для нанесения на план могил, которые нас ждут…

Только после серьезных подготовительных работ мы начали зачищать сухую и твердую поверхность среза со следами траков бульдозера и оставленных его ковшом куч комковатого суглинка. Зачистка — работа простая, но достаточно тяжелая (особенно когда грунт сухой) и чрезвычайно нудная. При зачистке штык лопаты работник ставит под острым углом к поверхности и срезает тонкий слой, не заглубляясь и не оставляя борозд. Новичков приходится долго учить выведению горизонтальной поверхности зачистки. Зачем? А чтобы были видны на ровной плоскости материковой породы древние нарушения — ямы, западины жилищ, очаги, траншеи и рвы. Большую часть времени археологи и рабочие раскопа зачищают и двигают отвал зачистки. «Работа, требующая самоотречения», как сказал один из героев известного фильма.

У нас эта работа сразу же дала плоды. На противоположных концах выбранного для исследования участка произошла «поклевка». У Шуры «клюнуло» немаленьких размеров овальное пятно буроватого цвета. У меня «клюнула» сразу курильница на четырех толстеньких ножках, вырезанная из серого гранита. Изделие я выковырнул лопатой при зачистке. Не ожидал столь мелкого расположения могилы. Видимо, ее устраивали зимой, и замерзший грунт не позволил выкопать более глубокую яму.

Подошел с курильницей к Шуре, увлеченно оконтуривающему свое пятно, и показал находку. Курильница сразу же разметила все выбранное нами пространство исследования на оси времени и в культурном плане. Такие алтарики в виде подпрямоугольного столика площадью с тетрадный лист, ограниченной бортиком с одной стороны и четырьмя невысокими цилиндрическими ножками – с другой, делали только в скифское время с VI по I-II вв. до н. э. Никаких скифов у нас на Алтае не было. Это так назван период по достоверно известному, благодаря сочинению древнегреческого ученого Геродота «История», названию племени кочевников Причерноморья «скифы». Это ранний железный век или скифская эпоха. Культура, где подобные курильницы

широко распространены на Алтае, называется каменской. Мы не знаем, как они называли себя сами. Поэтому именуем культуру степных кочевников раннего железного века по наиболее яркому и представительному памятнику. Это курганный некрополь Камень II около города Камень-на-Оби, известный еще с XIX века и раскопанный в 70-х годах прошлого уже века. Итак, каменская культура скифского времени.

Шура, увидев аккуратную курильницу из серого гранита, уронил лопату. Мы осмотрели место находки и разместили алтарик там, откуда я его нечаянно вывернул, присыпав грунтом. Удача с нами!

Домой, то есть к Иванычу, мы приволоклись уже в темноте. Усталые и довольные.

— Ну как? — закономерно интересуется хозяин.

— Нашли. Будем копать. Пока две могилы, но это курган. Будет больше.

Да, это курган. Курганы скифского времени на Алтае бывают разные. Это величественные каменные гробницы Пазырыка с заледенелыми погребениями царей, высокие курганы-холмы Степного Алтая с глубокими грабительскими ямами, многочисленные «бугры» небольших размеров. Наш курган из числа последних, только насыпь бульдозер срезал. Небольшой 15-метровый курган-кладбище немаленькой семьи. В таком некрополе может быть до 20 могил. Посередине — погребение старейшины, а вокруг кольцами-хороводами расположены более поздние захоронения. Когда место будущего кургана заполнялось, соплеменники делали насыпь высотой 1,5-2 м. Иногда могилы и позже помещали в курган, прорезая насыпь. Сам курган — это еще и храм, капище душ предков, место общения давно исчезнувших народов с их богами и духами. Сакральная зона. Мне могут сказать, а порой и говорят: «И вы лезете в сакральный мир древних со своими лопатами!» Хочу напомнить, что без нас никто бы ни о каких древних народах и сакральных местах не знал. И еще. МЫ. КОПАЕМ. МОГИЛЫ. В КАРЬЕРЕ! Продолжать?

Итак, курган. Я надеялся на грунтовый могильник более раннего времени, но и курган с уничтоженной насыпью над целыми погребениями для археолога подарок, или клад, по Г. Федосееву.

Объясняю хозяевам про курганы, культуры и про золото. Куда уж без него. Идея, что археологи ищут золото, подогретая сочинителями дешевых приключенческих книжек и ушлыми кинематографистами, надежно внедрена в умы людей. Никто даже не задумывается, что никакого золота, например, в каменном веке не было и в помине. Да и на поселениях скотоводов и охотников клады искать бессмысленно.

Чинно поедаем вареную картоху с маслом, исходящую паром, запиваем ее молоком и заедаем испеченным в печке хлебом. Из магнитофона младшей дочери Иваныча бесконечно играют две песни, которые позже много лет у меня ассоциировались с Вяткиным: «Чилентано» Скляра и что-то про лилипутика и леденец. Тикают ходики. Сонный вечер. Надо сходить на крылечко покурить «Родопи» и спать. Завтра — курган.

***

— Артур Леонидович, вокруг нас стоит сорок два человека! — тихо говорит Шура. Мы обедаем на кургане, устроив из отвала, разровненного лопатой, достархан. Пища все та же, «пища богов» — молоко, белый хлеб, сало и помидоры. Имеющуюся в достатке у нас тушенку и сгущенку (ту еще, советскую, не современный субпродукт) открывать не собираемся. Надоели за месяцы экспедиций. Потом отдадим Иванычу, им она в радость. Мы едим, а вокруг стоят сорок два человека и молча смотрят на нас.

А все началось с местных вездесущих пацанов, заинтересовавшихся некоей суетой на карьере. Они и пришли посмотреть. И остолбенели, увидев расчищенные скелеты. Молчали и, не двигаясь, смотрели минут тридцать. Потом кто-то спросил: «А это что?».

К любопытству местных жителей мы относимся с пониманием и всегда подробно объясняем то, что здесь происходит. Сельские жители степенно выслушивают рассказ (даже пацаны), иногда задают умные вопросы, иногда глупые, иногда про золото. А потом с молниеносной скоростью разносятся легенды о невероятных, просто сказочных находках ученых на окраине их села. Это происходит потому, что слушать селяне умеют, а рассказывать

не очень. Сбивчивые и визгливые рассказы ребятни уже спустя пару часов подняли на селе суматоху. Я даже представить могу рассказ такого Гавроша из Вяткина:

— Там, там, на карьере! Жуть!

— Зубы торчат, глаза пялятся, и горшки кругом. А в горшках ну точно что-то есть!

— А археологи их копают, копают, а они кругом лежат, лежат! И руки-ноги здоровущие…

Ну и тому подобное.

Буквально через час количество ребятни утроилось, они опрометью бросались выполнять наши мелкие просьбы (например, принести воды из колонки во фляжке) и сыпали вопросами, на которые мы отвечали по очереди. И убегали «с горячим орехом новости во рту». Скучновата была жизнь в деревне. Второй слой любопытствующих — это пожилые люди, не занятые в дневном труде. К обеду дня X, когда на Вяткино рухнула новость о раскопках на горе над Иштовкой, с разных мест лога (видимо, оттуда, где были мостики через речку) потянулись ковыляющие и хватающиеся то за спину, то за бок пенсионеры. Они цепью, как по команде, поднимались по склону, и это движение очень напоминало любимые нынче фильмы про зомби-апокалипсис. Собравшись вокруг, совершив перекличку и отдышавшись, пенсионеры очень долго смотрели на нашу работу. Видимо, их завораживал процесс расчистки скелета и появление (к сожалению, нечастое) диковинных предметов — подвесок, сосудов, булавок и т. п.

Потом стали возникать вопросы, предположения, воспоминания (о том, как Макар 30 лет назад нашел где-то что-то такое). Хотя возраст второй волны экскурсантов отличался, вопросы были те же, что у пацанов. Негде им было взять информацию о древностях, и слишком шокирующее оказалось знание о том, что они вот тут, в кирпичном карьере, на окраине их родного села.

Вопросы про золото быстро исчезли. Я обвел рукой лежбище наших скелетов (все-таки зрелищно это при отсутствующей насыпи и открытости всего пространства кургана) и сказал:

— Вот мы тут при вас расчистили несколько могил. Вы видели золото? Вот и мы тоже не видели!

Зрители, поняв, что ничего такого увлекательного им не покажут и не расскажут, свернули на более стандартные вопросы, среди которых всплывал один — а откуда мы знаем про могилы? Ссылка на карьер «кирпичников»-армян и даже на могильные пятна (одно как раз зачищалось) хитрыми и недоверчивыми селянами принималась за отговорку.

— Ну вот, смотрите. Это — чистый суглинок, материк. Желтый такой. Так?

— Так.

— А это древний перекоп. Вот граница. Видите?

— Нет тут ничего!

Вот тут я понял чувства этнографов, когда они показывали фото каким-нибудь дагонам и пытались получить информацию. А дагоны смотрели на плоскую блестящую штуковину… и ничего на ней не видели. Копаем могилу вглубь. Местные хихикают, видно же, что ничего нет. Да, нету… видно же. И вдруг хоп — череп! Череп выше остального скелета, сплющенного давлением земли. Череп всегда проявляет любопытство и выглядывает первым.

— А все-таки у них есть карта! — делает заключение общество пенсионеров, и переубедить их уже нельзя. Они все видели собственными глазами!

Вечером после работы Иваныч рассказывает нам деревенскую легенду о том, что на раскопе мы подрались, не поделив золото. Откуда что берется?!

После пенсионеров потянулись массы селян: как мужчин, сбегавших с работы, «чтобы посмотреть», так и женщин, приходивших по этой же причине. Народу было много. Периодически происходили эпизоды из серии «производственных драм». Мы млели, глядя из кургана на царившие вокруг страсти.

Неожиданно к плотной толпе, окружавшей курган, подъехал «УАЗик», и вылетевший оттуда начальник, «пышущий жаром», по меткому выражению Ильфа и Петрова, начинал громко и местами нецензурно ругать одного из зрителей. Примерно так:

— Мать-перемать, Петрович, ты что здесь делаешь, туды-сюдыть! Там лошади не поены, доярки не доены, коровы не кормлены…так-растак!!!

После этого сольного выступления указанный Петрович брался за шиворот телогрейки и закидывался в «УАЗик», который разворачивался и уезжал. Если бы был асфальт, то покрышки вездехода завизжали бы! Я удивился, что благодарные зрители в лице остальных селян не захлопали в ладоши. Станиславский бы точно поверил!

Ну и что? Увезенный Петрович возвращался, нервно оглядываясь и пригибаясь от громких звуков, через сорок минут и занимал не остывшее еще место среди зрителей.

Апофеозом Вяткинского нашествия стал приезд двух здоровенных автобусов «ЛАЗ», с трудом разместившихся среди целой автомобильно-мотоциклетной стоянки, образовавшейся за спинами зрителей. Вы что, думали взрослое работоспособное население будет пешком ходить? Тут было все — от «ИЖей» и «Уралов» до «Кировца» с прицепом (уборка подходила к концу, но еще шла. Мы ее чуть не сорвали…).

Так вот. Из автобусов вышло под сотню школьников, которых из соседней деревни привез набравшийся слухов – один горячее другого – директор школы. Все были нарядные, в парадной форме, С ЦВЕТАМИ! После того, как я, кое-как отойдя от футур-шока, прочитал лекцию, хором сказали: «Спасибо!»

Было интересно слушать, как деревня от края до края обсуждала наши находки. Особенно всех потрясло открытие нами в одной из могил крупной курильницы на ножках. Вообще-то эти изделия играли роль алтарей для жертвоприношений. Ма-а-аленьких таких, семейных. Были алтари типичным женским атрибутом, ибо именно женщины занимались общением с миром духов и предков в рамках семьи. Для более серьезных дел существовали жрецы и храмы-капища.

По словам Иваныча, когда мы только обнаружили алтарь, пацаны тут же разнесли весть о том, что «найден каменный сундук» и уж «там-то, в нем-то точно что-то будет…». Когда полдеревни собралось посмотреть на «открытие каменного сундука» и уличить все-таки нас в золотокопательстве, кто-то увидел каменную ножку алтаря.

— Так это каменная табуретка! — разнесся разочарованный выдох. Мы с Шурой наблюдали за бурлением страстей вокруг нашего кургана, как интересный спектакль из партера. Надо ска-

зать, что скелеты мы не разбирали, убирая от соблазна зрителей «стырить что-нибудь на память» мелкие вещи и целые сосуды. Остальное оставалось лежать на месте, но ни разу никто из селян не сдвинул ни одной косточки.

Небольшое отступление про слухи.

Здесь мне захотелось поведать одну историю про распространение слухов в алтайской глубинке. Дело было в начале 2000-х в очень-очень жарком мае. Настолько жарком, что мы с напарником Сергеем два дня после маршрута есть ничего не могли. Жили на чае и сгущенном молоке, по банке которого выпивали утром. За три дня мы прошли значительное расстояние, много чего нашли, но это совсем другая история. Маршрут был спланирован заранее. Мой родственник из Карамышева на своей «копейке» отвозил нас в село Новокомышенка, а через три дня забирал оттуда же. Мы осматривали правый берег Алея до села Плоского, затем левый — от Плоского до Екатерининского – и возвращались на исходную позицию, где Иваныч (тоже Иваныч, подишь ты!) нас забирал. Прошли. Купили в сельском магазине по яблоку и, сидя в тени на завалинке, съели. Самое вкусное яблоко года, первая еда за два дня. Потом мы решили выйти за село по дороге, где должен был проехать Иваныч, и дождаться его где-нибудь в тени под кустиком.

Далее ситуация разворачивалась, как в закрученном триллере. Мимо нас почти на двух колесах в село просвистел Иваныч. Нас не заметил. Потом, спустя некоторое время, так же лихо просвистел обратно из села и опять не заметил. Мы в растерянности стояли в тени под кустиком и соображали — а дальше-то что? Вдруг около нас тормознула «Нива» и совершенно незнакомый мужик сообщил:

— Зря вы его не тормознули! Он вас искал. — И «Нива» умчалась вслед за Иванычем. Скорости машин, несмотря на их потрепанный вид, были какие-то слишком уж для тех дорог высокие. Их охарактеризовал Сергей, в первый раз выскочив вслед умчавшейся «копейке»:

— Слишком уж Иваныч быстро ездит!

Доразмышлять до чего-нибудь путного у нас не получилось. Иваныч вернулся и остановился возле нашего кустика.

— Меня мужик на «Ниве» догнал, сказал, что вы тут ждете.

— Что за мужик?

— Не знаю.

— …

— …

— Иваныч, ну-ка расскажи все по порядку.

— Приезжаю я в село к магазину. Вас не заметил. Спрашиваю у теток, что там стояли: «Моих видели?». Отвечают, что видели. Вы поели яблок и ушли.

— Иваныч, что за тетки, не было никого у магазина!

— Не знаю.

— …

— …

— Иваныч, а откуда они знали, что мы твои?

— Не знаю.

— …

— …

Оказывается, тетки нас подробно описали, рассказали о том, как и где мы ночевали около Плоского, перешли по подвесному мосту и пересекли само село. Как ходили по полям и ночевали у горы Толстая Сопка, как бродили вокруг села Лопатинки и т. д. Даже про пиво, которое мы в магазине Лопатинок прикупили. Или они это не рассказали? Утаили, наверное. При этом, кроме как в селе, мы и людей-то нигде не видели. Мало там новостей, поэтому мы оказались в центре интереса четырех сел и нас ни на минуту не выпускали из виду. Тяжело, наверное, было вражеским шпионам на Руси…

***

А золото мы все-таки нашли. Исследуемый курган был сооружен достаточно состоятельным кланом или семьей в мирное время. Археологи называют этот отрезок развития скифских культур Алтая «периодом стабилизации». Умерших женщин сопровождали в иной мир их любимые украшения — бусы, бронзовые серьги с подвесками, бляшки, нашивки и т. п. Вот при зачистке одной такой модницы я и нашел золотую серьгу. Пацаны, которые буквально висели со всех сторон, тут же заинтересовались желтенькой блестящей штуковиной.

— Это медная серьга, — веско сказал я, побоявшись «золотой лихорадки» Вяткинского разлива. Любое сказанное нами слово становилось известно всем. А вот интересно, сохранились ли сейчас воспоминания о тех работах.

Итак, я соврал. Слово прозвучало и стало истиной. Но золото есть золото, его надо сохранять с осторожностью. Показав Шуре находку, я сказал, что при нахождении подобного при свидетелях кодовое слово «просто кости». Однако похвастаться хотелось, а тут как раз подошел один из «кирпичников», регулярно посещавших наш раскоп, но особого интереса к работам они не проявляли, да и с селянами особенно не общались. Хвастаться я решил начать с него.

— Ашот, глянь, мы сегодня золото нашли.

«Кирпичник» положил маленькое золотое колечко на свою ладонь-лопату. Долго его рассматривал, а затем, вздохнув, вернул мне со словами:

— Наше золото – это кирпичи!

Вторым, кому я похвастался, стал Иваныч. Его встречный вопрос меня огорошил:

— А большой комочек?

— Иваныч, но почему комочек?

— А в каком еще виде встречаться золоту-то?

— У тебя на пальце обручальный комочек что ли?

— А-а. Вы кольцо нашли, я думал самородок.

— Серьгу. Вот, глянь.

Серьга Иванычу очень понравилась. Была в ней какая-то элегантная простота и эстетика, характерная для древних изделий, все-таки почти 2,5 тысячи лет. Несомкнутый кружок — колечко из проволоки круглого сечения с припаянным снизу у разъема маленьким колечком. Наверное, там подвешивалось что-то органическое, придающее очарование и прелесть своей хозяйке — плетение из цветных ниточек или кожаных ремешков. До нашего времени подвеска не сохранилась. Проба золота, которую сделали гораздо позже, оказалась неожиданно высокой, поэтому серьга предстала перед нами в точно таком же виде, какой была тысячи лет назад.

— Артур Леонидович! Здесь это… просто кости.

Вокруг полно любопытных глаз, а уши греются так, что аж температура повышается. Любит у нас народ уши погреть у чу-

жого разговора. Спускаюсь в исследуемое Шурой погребение. Как раз то, где найден сундук-табуретка-алтарь. Шура приподнял часть раздавленного землей черепа женщины, а там — золото! Массивная серьга из толстой проволоки, а рядом подвеска размерами 2 х 1,5 см в виде лотоса. Очень хочется, чтобы была литая (золотокопатели мы или нет!). Но, увы, подвеска спаяна из двух штампованных половинок. Но до чего же красиво! Очень хочется запрыгать и поорать! Шура испытывает то же состояние. Это НАХОДКА! Лотос. Очень редкий сюжет у нас в степи.

Подобное чувство — потребность поделиться радостью от открытия и невозможность это сделать — было у меня спустя 10 лет на раскопках средневековых курганов недалеко от Алейска. Могильник назывался Поповинская Дача. Там я расчистил лицо умершей девочки, закрытое отрезком ткани. Отрезок был сшит из двух кусков шелка разного качества и расшит узорами из золотой и серебряной нити, скорей даже тонкой проволоки. Серебряные и золотые облака плыли на черном фоне над золотыми лотосами. Вот тогда я всласть накричался, но была другая беда. Один я там был. Все уехали на обед.

Вяткинский лотос вместе с серьгой спрятали в коробок и убрали в полевую сумку. Остальные детали и украшения (бисер, накосник, подвесочки из бронзы) оставили для фиксации на месте. Сейчас думаю, может, зря я не доверял селянам, такие бы танцы вокруг кургана устроили бы… Но что было, то было.

Все-таки курган принадлежал небогатому клану. На 15 погребений и 21 человека (не все были одиночными, было и по два, и по три человека) только две золотые серьги и одна подвеска. Или золото считалось не такой уж высокой ценностью.

Несмотря на то, что все люди были похоронены в одном кургане, все уложены и сопровождены в загробный мир по-разному. Одна из интереснейших могил была расчищена в середине нашей работы. Я ее зачищал, пока Шура общался с нашей «золотой» красавицей. Пятно 2 х 1,5 м сулило знакомство с взрослым человеком, однако при начале разборки засыпки в южной части стали попадаться разрозненные кости. Похоже, могила была ограблена, однако настораживало обилие и компактное расположение остатков, как будто все 206 костей скелета ссыпали в одно место.

При ограблении мародеры не миндальничают с умершим, выкидывая кости вместе с землей. После разбора заполнения и костей с двумя бронзовыми бляшками, я увидел совершенно целое перекрытие из толстых продольных березовых горбылей, засыпанных мелкими ветками сверху. Похоже, на погребальную камеру использовали всю березу. Что-то подобное у меня уже случалось в практике раскопок погребений. В конце 70-х годов исследовался грунтовый могильник бронзового века ЕГМ I (Елунинский грунтовый могильник). В одном из погребений, как потом выяснилось, андроновской культуры (XV-XIII вв. до н. э.) при выемке заполнения показался грустный одинокий череп, стоящий на затылке. Это явный признак искусственного отчленения головы, что с учетом войны в степях Алтая в этот период времени неудивительно. Воины на боевых колесницах — «андроновцы» — отвоевывали регион у своих предшественников — представителей елунинской культуры (XX-XVI вв. до н. э.). И те и другие были сильны, горды, упрямы и отступать не желали. По всему Алтаю найдены потерянные в боях копья, кинжалы, проушные топоры и кельты из бронзы. Череп из ЕГМ I был головою, отрубленной в бою. Кроме этого, прямо по лбу воина нанесен сильнейший удар, буквально разрубивший его пополам. Зафиксировав находку, я собирался было зачистить дно, на котором стояла голова, но ниже оказалось перекрытие могилы, под которым лежал скелет «андроновца» без головы. Весь обряд был соблюден, человек со славой отдавший свою жизнь во имя племени, уложен скорченно на левом боку, около плеч стоял сосуд, не было только головы. Скорее всего, сородичи не обнаружили ее после произошедшей битвы и похоронили героя как есть. Наверное, голову нашли позже и подхоронили на перекрытии.

Вот это и вспомнилось, но скелет-то почти полный, нет только голеностопа. После разбора перекрытия (под продольными горбылями лежали еще поперечные), на дне ямы был обнаружен скелет ребенка лет 3-4. Несколько удивляясь этому, я расчистил кости, кувшинчик, стоявший около локтя левой руки, и уже обметая стопы, зафиксировал еще кости — недостающие голеностопы взрослого около которых стоял кувшин. Видимо, из-за смерти ребенка его родичи вскрыли могилу отца, брата

или дяди, вынули скелет (а это был именно скелет, вряд ли родичи отрывали бы у захороненного ноги, да и остальные кости были уже не связаны друг с другом) и уложили на его место ребенка. Ноги так и не удосужились достать, как и погребальный сосуд. Зачем? Свои же. После обряда камера была вновь закрыта горбылями, а кости прежнего хозяина просто ссыпали в яму вместе с заполнением. Без всякого почтения.

Такому отношению «каменцев» к смерти и умершим удивляться не стоит. В их религии — митраизме — много осталось от более древнего зороастризма. Мертвое тело не является почитаемой частью человека, почитается душа. Когда исчезает плоть, кости рассматриваются просто как досадная помеха. А вот место похорон — это якорь души, где она общается с живыми, а также место поминовения.

Не рассердились бы «каменцы» на наши раскопки, нет для них ценности в «родных костях». А вот память значит многое, а мы ее восстанавливаем.

Кое-какие могилы были особенными, немного выбивались из стандартного обряда этого времени и этого народа. Первое погребение, где я вывернул курильницу-алтарик, содержало трех умерших — мужчину, женщину и ребенка. Кроме алтарика, в ногах стояла миска из березового нароста-капа, которую подожгли перед перекрытием склепа. Она долго тлела, выгорело все горючее вещество, но сама емкость уцелела, что подтверждает предположение о зимнем характере могилы. Холодно было и сыро. Запечатлен стандартный набор погребального инвентаря — женские булавки и бусы, бронзовые сережки, сосуды-кувшинчики.

Были еще два погребения женщин с маленькими детьми. Одно из них — наша золотая красавица. Кстати, до сих пор этот алтарь самый крупный среди курильниц скифского времени на Алтае. Почему-то ребенок этой женщины (или сестры) был положен у нее в ногах и поперек могилы. Обряд, мягко говоря, редкий. Собственно, кроме этой могилы он у нас больше нигде не отмечен.

Курган-кладбище формировался долго, достаточно вспомнить вынутый мужской скелет и укладку на его место ребенка. В сухих условиях хорошо перекрытого пустого склепа-камеры мягкие ткани разлагались долго. Возможно, не один год.

Очень нас удивило центральное захоронение. Курган не был ограблен, что давало надежду на интересные находки в центре, в огромной могиле размерами 3 на 3 метра. Однако ее изучение еще раз убедило меня в том, что социальная значимость и богатство — вещи разные. Могила состояла из двух камер, разделенных материковой стенкой. Собственно, это были два погребения, объединенные одним перекрытием. Деревьев на него ушло много, родичи постарались. Зато сопроводительный инвентарь под многослойным продольно-поперечным потолком камеры был беден. В одной яме (погребение № 1) лежал горбатый старик. Да, да, горбатый. Шейные и грудные позвонки срослись в одну корявую кость. Дед был уложен на спине, но полусидя. После исчезновения мягких тканей, он просто «улегся» на подготовленное место, но ребра остались внизу, у таза. Выглядел скелет очень странно, пока мы не разобрались с его анатомией. В ногах стояли два крупных горшка, на шее — костяная подвеска-«костылек», заглаженная и заполированная, очень долго использовавшаяся как амулет. И все.

Второе погребение принадлежало пожилой женщине. На шее находилась железная шейная гривна, по бокам черепа, на месте ушей — бронзовые сережки с подвесками-стерженьками, керамическое пряслице, сосуд и все. Железная гривна — признак власти и статуса, инсигний, часто заменявший корону. И ценность у нее в то время была немаленькой, а сейчас это просто разрозненные кусочки ржавого железа. Представления о богатстве и менталитет у людей был другой. Для этой пожилой пары, стоявшей, скорее всего, во главе большого семейного клана, гривна и волшебный костяной амулет значили гораздо больше, чем бронзовые и золотые безделушки. А может, и для других членов общины тоже, не зря же они занимали почетное место родоначальников клана? А мы знаем, что статус умерших, отраженный в погребальном обряде, точно соответствует статусу людей при жизни.

***

Работы показали мирный характер обитавших здесь кочевников каменской культуры. Или это только в исследованном нами кургане похоронены отъявленные пацифисты и противники насилия? Вряд ли. Погребальный обряд отражает не только взаи-

моотношения людей и их общественный статус. В наборе погребального инвентаря, как в зеркале, отражалась и политическая жизнь общества. Там, где была война, она проникала и в загробный мир, сражения противоборствующих армий велись в двух мирах. Погибшим воинам нужно было оружие для продолжения их бесконечных битв там, за гранью. Когда был мир, мирным был и Ирий — обиталище душ ушедших людей. У нашей семьи или клана была мирная жизнь, они не уходили на потустороннюю войну. В материалах могильника Усть-Иштовка 1 (такое он получил от нас наименование) не было даже наконечников стрел.

Находилось только какое-то подобие личного оружия у женщин. У одной из них в прическе пряталась длинная (чуть больше 10 см) острая достаточно массивная шпилька — типичное оружие самозащиты кочевых красавиц, которую можно было, в том числе, и эффективно метнуть в обидчика. А у другой женщины к бедру левой ноги крепились элегантные ножны из рога лося. Когда мы их нашли, изделие лежало лицевой стороной вниз рядом с бедренной костью, чуть ниже ее середины. Явно не на поясе висел этот чехол. Скорее всего, он просто отпал от крепления на бедре после распада ткани, из которой были сшиты штаны нашей амазонки. Поднятие ножен со дна могилы стало для нас целым ритуалом. Все находки, за исключением золота, с места не сдвигались до фотографирования и графической фиксации. И мы часто даже не знали, как тот или иной предмет выглядит. Ножны пролежали целый день в ожидании момента, когда ими начнут восхищаться после тысячелетий забвения. Подняв изделие, мы увидели на прекрасно сохранившейся отполированной поверхности ряд резных стилизованных фигур, принятых нами за лягушек. Позже оказалось, что это сильно стилизованные морды рогатых баранов, изображенных в фас. Сейчас ножны с Усть-Иштовки — один из самых известных артефактов скифской эпохи степного Алтая.

По форме это был типичный чехол для оружия ближнего боя, распространенный в скифском мире. Две лопасти-выступа полуовальной формы сверху, на устье изделия, такие же лопасти по бокам и закругленное основание. Посередине каждой лопасти и на окончании имелись сквозные отверстия. Ножны для боевых

кинжалов с помощью верхней пары лопастей крепились к поясу, средняя часть стягивала деревянный или роговой чехол, представляющий из себя, по сути дела, пенал для клинка с задней крышкой. Через отверстие на окончании ножен пропускался ремень, охватывающий ногу воина и не дававший оружию в ножнах просто болтаться на поясе. Наши ножны отличались от боевых, как хромированный миниатюрный дамский пистолетик от потрепанного в походах маузера. На парных лопастях находились железные бляшки-заклепы, притягивающие как тыльную крышку, так и ткань штанов, в которых ходила амазонка. При разборе в камеральных условиях части кожаной крышки и шерстяной ткани брюк были четко зафиксированы, как и их стягивание с помощью бронзового штыря, расклепанного сверху и снизу. Мало того, такая же бляшка-заклепа из железа с бронзовым штырем находилась на торцовом отверстии, которое всегда у боевых изделий оставалось сквозным. Ножны крепились к шерстяным штанам и украшали их замысловатым узором в типичном скифо-сибирском стиле. Но это не был просто декор, ножны были предназначены для узкого стилета сантиметровой ширины с длиной клинка около 9 см. Только вот самого оружия в чехле не было. То ли предмет был нужен живым родственникам женщины как амулет или память об умершей, то ли был утерян в ходе каких-то событий, но ножны были пусты, и мы ничего не узнали о форме и назначении оружия.

***

Вновь мы погружаемся на «Зарю». Минуло две недели. Дело, для которого мы приехали в Вяткино, сделано… Вся поверхность карьера, предназначенная для кирпичного завода, проверена. Кое-как удалось всучить Иванычу тушенку со сгушенкой и — с большим трудом — деньги за постой. Не привыкли мы к халяве.

Опять плещется еще более холодная вода между дебаркадером и бортом корабля. Впереди обработка полученных материалов, отчеты, планы, чертежи, статьи и книги. Это только кажется, что археологи работают исключительно в поле. Основная работа за письменным столом. Вяткино исчезает за поворотом…